

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА КОРЕЙСКОГО НАРОДА

Е. Г. Пак

THE HISTORY OF KOREAN MENTALITY FORMATION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH

E. G. Pak

У исследователей вызывает большой интерес высокий темп экономического развития, который с начала 60-х годов XX века демонстрирует Южная Корея. Добросовестный и успешный анализ «южнокорейского чуда» невозможен без изучения менталитета народа, характерные черты которого можно обнаружить в деятельности людей, в истории и памятниках материальной культуры, в народном искусстве, в религиозных обрядах, обычаях и языке. Изучение истории формирования менталитета корейцев позволило прийти к выводу, что стремительная экономическая модернизация Южной Кореи была бы немыслима без колоссального трудолюбия, сильного чувства национальной идентичности/патриотизма, приверженности коллективным/родовым традициям, жажды знаний, прагматизма и стремления к материальному благословию – фундаментальных характеристик менталитета корейского народа, которые были сформированы в процессе истории под влиянием географических, социально-экономических, политических, культурных и религиозных факторов.

The high rate of economic development that South Korea has been demonstrating since the early 1960s is the point of interest for many researchers. However, the diligent and successful research of “South Korean miracle” is not possible without studying the nation’s mentality whose outstanding characteristics can be discovered in people’s diligence, in national history and artifacts, in folk art, forms of worship, traditions and language. In the process of studying the history of Korean mentality formation the author comes to conclusion that “the South Korean Miracle” could not happen without several fundamental characteristics of Korean mentality such as tremendous hard-working spirit, strong national identity, collectivism, thirst for knowledge, pragmatism and pursuit of material well-being what were formed in the process of history under the influence of geographical, socio-economic, political, cultural and religious factors.

Ключевые слова: Южная Корея, «экономическое чудо», история, этнос, корейский менталитет.

Keywords: South Korea, “economic miracle”, history, ethnos, Korean mentality.

Южная Корея – одна из так называемых «четырёх азиатских тигров». Так неофициально называют азиатские страны: Южную Корею, Сингапур, Гонконг и Тайвань, чьи экономики демонстрируют очень высокие темпы экономического развития с начала 60-х годов XX века. В Корею в XVIII – XIX веках наблюдалось снижение производительности сельского хозяйства вплоть до конца XIX века, но за этим последовало движение вверх, которое наблюдалось в течение всего XX века и достигло своего апогея в 80 – 90-х годах [17] прошлого столетия. Об экономике Кореи часто говорят «экономическое чудо», но это скорее образное выражение. Многие экономисты, в том числе ведущие российские ученые: В. И. Шипаев, В. М. Мазуров, С. С. Суслина, обращаясь к изучению «южнокорейского чуда», хотя и выделяли разные политические, социальные факторы, приведшие к этому явлению, но все же отмечали, что «никакого “чуда” и не было, а был чрезвычайно напряженный труд всего населения страны, необычайные трудолюбие, терпение, выносливость и тяга к знаниям, и еще монолитность нации, десятилетиями угнетаемой, но стремящейся к прогрессу» [11, с. 6] Профессор С. С. Суслина указывает на то, что для добросовестного и успешного анализа успеха южнокорейской модернизации необходимо обратиться к изучению менталитета народа.

В словаре психологического лексикона мы находим следующее определение менталитета: «Менталитет – характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни людей, детерминированная, в первую очередь, экономическими и политическими обстоятельствами и имеющая надсознательный характер» [14, с. 176]. Разработке теории этноса и вопросам этнического самосознания посвятили свои труды Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев, В. И. Козлов и другие. В современной российской философии проблема менталитета рассматривается с различных ракурсов в работах Ю. И. Семенова, И. А. Гобозова и др.

В XX веке из культур и менталитетов народов дальневосточного региона более или менее изучалась лишь Япония. Феномен корейского менталитета ожидает своего глубокого исследования и осмысления. В Корею изучением этноменталитета и культуры занимался гуру корейской философии Ким Тэ Гиль, и он отмечал, что невероятные успехи в области политической и экономической модернизации, которые сделала Корея во второй половине XX века, уходят корнями в глубокое прошлое народа [19, с. 335, 346].

Современные исследователи, говоря о менталитете корейского народа, выделяют такие характерные черты, как патриотизм, коллективизм, гармония Инь и Ян, догадливость/прагматизм, сдержанность в словах, молчание и улыбочивость, достоинство/репу-

тация, почтительность, чувственность [18, с. 93 – 114]. В силу нашего интереса к «экономическому чуду» мы постараемся выявить те черты, которые могли оказать влияние на стремительную модернизацию Южной Кореи.

Любая этническая система и ее менталитет складываются и формируются на протяжении многих веков. На отдельные стороны духовной культуры и психического склада каждого этноса определенное влияние оказывают характерные особенности географической среды, эмоциональная же сторона психики в значительной мере детерминируется социальными и политическими факторами [1, с. 189 – 192, 212]. Так в нашем исследовании невозможно обойти вниманием изучение географических, политических, социальных и религиозных факторов, оказавших влияние на формирование менталитета корейского народа.

Расположение корейского этноса на полуострове послужило основой для маргинализации и формирования менталитета, отличного от соседних: материкового китайского и островного японского. Ландшафт и климат полуострова сыграли важную роль в формировании мировоззрения и характера людей, заселивших его. Выбрав свою землю, они тем самым выбрали и свою историю. Археологические исследования позволили ученым выдвинуть теорию о заселении Корейского полуострова в неолите (IV – II тыс. до н. э.) сибирскими рыболовами-охотниками, которые мигрировали из Сибири на юг, в Маньчжурию, Корею и Японию в поисках земли с более теплым климатом, смешиваясь с автохтонным неолитским населением полуострова, которое вело общинный образ жизни, занималось рыболовством, охотой и собирательством. Их обществу не были свойственны серьезное социальное расслоение и заметное вооруженное насилие [9, с. 154 – 159].

Бронзовый век во всем мире характеризовался периодом активного становления этносов и зарождением очагов государственности. Государства с более развитой металлургией выдвигались на передний план, становились «ядром цивилизации», успешно колонизируя и эксплуатируя «варварскую периферию». Так в XXI – XVI веках до н. э. Китай являлся мощным центром ранней государственности в восточноазиатском регионе, а разрозненные племена, населяющие корейский полуостров, были так называемой ближней периферией. В настоящее время считается доказанным, что под воздействием протокитайской шаиньской, южносибирской и севернокитайской ордосской бронзовой культуры на рубеже II – I тыс. до н. э. на севере корейского полуострова сформировалась маньчжурско-протокорейская племенная группа, которая в течение I тыс. до н. э. постепенно распространилась по всей территории полуострова, образуя единую этнолингвистическую общность [12, с. 48]. Уже в VII веке до н. э. у трех главных корейских племен появляются этнонимы (ма-хан (마한); чин-хан (진한); пён-хан (변한)), общее основание «хан» (한; 韓) («первый», «единственный», «единственный») которых позволяет судить об

осознании их членами единства происхождения, что свидетельствует о зарождении корейского этноса [20, с. 75 – 128]. Таким образом, зарождение корейского этноса можно датировать VII веком до н. э., а в IV – III вв. до н. э. в северной части полуострова создается протогосударство Древний Чосон (고조선), которое служит «буфером» от китайского проникновения на полуостров.

Стоит отметить, что наряду со структурно-пространственными характеристиками этноменталитет непременно включает в себя такой генетически-временной параметр, как представление об общности происхождения членов этноса [1, с. 186 – 187]. В период Древнего Чосона возникает миф о Тангуне, мифическом основателе корейского этноса, который родился от сына небесного правителя и женщины-медведицы и начал править своим народом в 2333 году до н. э. В эпоху татаро-монгольского нашествия этот миф был записан в первой исторической хронике Кореи «Летописи Трех Царств» («삼국사기») и в дальнейшем активно использовался, чтобы искусственно «удревнить» историю Кореи до уровня китайско-шаниньской бронзовой культуры. В период аннексии Кореи Японией в начале XX века «догмат о чистокровной нации» как высшей форме существования этноса еще больше укрепился в сознании корейцев. Корейские националисты превратили Тангуна в высший символ «корейской этнической гомогенности» [12, с. 61]. Здесь мы находим, что чувство национализма уходит корнями в далекое прошлое и глубоко укоренено в сознании корейцев. На протяжении веков корейцы считали, свой народ лучше других, и тщательно хранили себя от ассимиляции с другими этносами и культурами. Ким Тэ Гиль называет это «радикальным национализмом» [19, с. 230, 277]. По уровню национализма среди азиатских стран Корея уступает только Вьетнаму. В нашем понимании это скорее патриотизм, мощнейшее чувство национальной идентичности, которое помогало корейскому народу спланировать и идти вперед в самые сложные исторические моменты. Несмотря на то, что в XX веке в процессе модернизации Корея получила колоссальное влияние со стороны США и успешно интегрировалась в новый миропорядок, менталитет корейцев плохо поддается глобализации, и по сей день в повседневной жизни люди руководствуются негласным правилом: «Своё самое лучшее» [6, с. 40 – 52].

Зачатки формирования коллективного сознания в корейском этносе мы находим уже со среднего неолита, когда небольшим деревенским кровнородственным коллективам невозможно было в одиночку выживать в суровых условиях. Это сознание еще больше усилилось, когда главным в сельском хозяйстве стало возделывание заливного риса, технологии, требовавшей создания системы искусственного орошения, которое не под силу отдельным деревням. В I – IV вв. н. э. государственная бюрократия естественным образом взяла на себя ответственность за строительство и функционирование крупных гидротехнических сооружений, а в IV – VI вв. н. э. в об-

щественную жизнь прочно вошли мобилизации населения на гидротехнические работы. «Общее благо» в сознании корейцев получило неоспоримый приоритет над личными нуждами и заботами. Индивидуализм в обществе презирается, а коллективизм находит отражение в самых разных сферах жизни и культуры. Кореец никогда не скажет «моя страна», «моя школа» и даже «моя жена», а только «наша страна, школа» и даже «наша жена». Когда в 40 – 50-х годах XX века, в первые послевоенные годы, корейское правительство проводило аграрную реформу, столь необходимую для развития капитализма и модернизации страны, успешной её сделало именно использование многовековых традиций взаимных поддержек и коллективных действий [8, с. 17 – 18].

Трудолюбие, целеустремленность как определяющие черты национального характера являются общечеловеческими, особенно среди азиатских народов, но географические и социальные условия жизни сформировали в корейском менталитете уважение к труду, доведенное до культа. В сознании корейцев заложен твердый постулат: «Трудиться должен каждый, ибо только усердная работа приносит в жизни успех». Корейцы официально отдыхают две недели в году, но 66 % населения готовы провести отпуск на работе [4]. В школе на уроках морали детей учат трудолюбию на примере народной сказки, где главный герой, будучи в крайне стесненных обстоятельствах, находит путь к спасению, выдолбив себе лодку из бревна при помощи иголки. Труд, даже если он не приносит видимых быстрых результатов, возведен в ранг добродетели, и корейцы уверены, что усердно трудящийся непременно будет вознагражден. «Спасибо» (수고 하세요) с корейского переводится как «Потрудитесь!» Благоговейное отношение к труду столетиями только усиливалось конфуцианскими нормами, регулирующими жизнь, что, в итоге, внесло значительный вклад в возникновение «корейского экономического чуда».

Немаловажную роль в формировании менталитета корейцев сыграло их взаимодействие с окружающими народами и их культурами, в особенности с Китаем и Монголией. Несмотря на то, что эти международные контакты зачастую были крайне болезненными для корейского этноса, в итоге, они привели к интеграции внутриэтнической консолидации и укреплению самосознания населения полуострова. Заимствуя китайскую культуру, корейцы вместе с тем активно сопротивлялись китайской экспансии, угроза которой нависала вплоть до XII века, до татаро-монгольского нашествия. В этом смысле корейскую культуру можно считать «вторичной», оформившейся на «цивилизационной периферии» в процессе противостояния «цивилизационному центру», Китаю, и заимствования его культуры. Именно классический китайский язык на многие века стал языком древнекорейской «высокой» культуры, сделал ее органической частью общерегиональной культуры Дальнего Востока. Через Китай в Корею приходили все религиозные учения: буддизм, даосизм, конфуцианство и даже христианство. Процесс слияния

разных племен в единый корейский этнос растянулся с VII в. н. э. вплоть до нашествия монголов в 1225 г. н. э. Патриотический порыв и народная воля к сопротивлению «невежественным варварам» были общенародными. Именно представление о высшей ценности своей культуры и своей религиозной традиции, которая противопоставлялась дикости язычников-завоевателей, легло в основу этногосударственного самосознания корейцев [12, с. 72 – 135].

В эпоху совершения «экономического чуда» в среде корейского народа явно проявились такие глубокие ценностные ориентации, как жажда благословенной жизни, терпение, выносливость и колоссальное стремление к знаниям, и изучая эти явления, невозможно обойти вниманием влияние на менталитет исповедуемых корейцами религиозных верований. Как говорил Густав Лебон: «Религиозные верования составляют всегда самый важный элемент жизни народов и, следовательно, их истории» [7, с. 90]. Корейский народ уникален тем, что, имея свою аутентичную религию, шаманизм, он принял и активно взрастил в своей среде буддизм, конфуцианство и христианство.

Шаманизм, который восходит к эпохе первобытно-общинного строя, имел особую религиозную власть над умами корейцев. Его основой являлось почитание неба, от которого исходят все земные блага. Шаманская вера провозглашала, что духи обитают повсюду, и от них зависит процветание в мирской жизни: спасение от бед, долголетие, здоровье, рождение мальчика, богатство и репутация. Шаманизм стал религиозно-культурным базисом, на котором формировалось самосознание и мироощущение корейцев. С одной стороны, они самозабвенно и экзальтированно уповали на помощь небес, с другой стороны, все их просьбы были направлены на осуществление мирских, материальных, судьбоносных и прагматичных желаний [3].

Становление корейской государственности в III – V веках н. э. было тесно связано с проникновением в страну буддизма и конфуцианства. Поиск материальных благ всевозможными путями приводил к тому, что корейцы оказались восприимчивы к принятию новых религий, которые фактически не конфликтовали между собой, а находили своих последователей в разных слоях общества. Корейская элита увлекалась популярной в то время в Китае даосской философией и буддизмом. Для государства, стремившегося к централизации, буддизм выглядел крайне привлекательным, и бедняки находили утешение и надежду в учении Будды. Под влиянием буддистской философии многие азиатские страны, включая Корею, установили высочайшей ценностью совершенствование собственной души на социальном и религиозно-идеализированном уровне. Буддийские философия, искусство и культ способствовали объединению гетерогенного населения страны в одну этнокультурную общность. С VI века н. э. с целью укрепления государства в Корею началось внедрение конфуцианства в качестве государственной идеологии, что ничуть не ослабляло позиций буддизма. Государю отводилась главная роль хранителя и покровителя буддийского учения и образца

конфуцианских добродетелей, что позволяло преодолевать аристократически-клановый партикуляризм, создавая единство в стране [12, с. 116]. В конфуцианстве особенно подчеркиваются семейные и социальные ценности, самосознание человека и создание гармоничных межличностных взаимоотношений, а также возвращаются такие качества как взаимная ответственность членов общества и коллективизм. Многие исследователи находят, что успех экономической модернизации Кореи обусловлен сочетанием многих факторов, часть из которых тесно связана с традиционной конфуцианской культурой, а именно с конфуцианским ритуалом «ли», который способствовал централизации власти в стране, а также возвращал в душах корейцев преданность своей стране, экономии, творческую активность и инициативу [14, с. 10].

Конец XIX века в Корее знаменовался падением последней царской династии, сменой общественно-политической формации, резким переходом от феодализма к капитализму, аннексией Кореи Японией, что привело к глубоким изменениям в духовной жизни народа, еще раз свидетельствуя о том, что подвижные социально-экономические явления способны привести к сдвигу более устойчивые этнокультурные явления. В конце XIX века влияние традиционных религий на души людей ослабело, и этот вакуум стремительно заполнялся христианскими идеями социальной справедливости, почитания науки и обучения как высшей ценности, возможности достижения лучшей жизни, равенства людей и народов перед Богом. Чан Джэен отмечает, что «в период модернизации просветительское движение христианства, разворачиваемое через культурные учреждения, сыграло большую роль в преобразовании многих сфер общественной жизни, внесло решающий вклад в дело становления современного гражданского сознания корейцев» [15, с. 57 – 59]. В начале XXI века более трети населения Южной Кореи активно исповедуют христианство.

Также в среде корейской интеллигенции приобрели широкую популярность социал-дарвинистские идеи, которые гармонично дополняли древнее учение Конфуция о «золотом веке» и воспитании народа [15, с. 22 – 23]. В XX веке в работах корейских мыслителей господствовали идеи об извечности и неизменности «национального духа» (민족성 – минджоксон) корейцев, нередко возводимого к первобытно-общинному строю; о том, что формирование нации и национального духа связано с ранними этапами этногенеза, что использовалось также как мощный

инструмент в идеологическом противостоянии двух социальных систем [2]. В процессе капиталистического развития в Южной Корее осваивались наукоемкие отрасли производства, повышались образованность и творческий потенциал народа, а вследствие этого росло и его благосостояние. В результате глубоких преобразований всех сфер жизни Южная Корея превратилась из отсталой, аграрной и безнадежно бедной страны в высокоразвитое, индустриальное и урбанизированное государство, чья экономика вышла на 13 место в мировом рейтинге [16].

В ходе нашего исследования мы обнаружили, что такие особенности менталитета корейцев, как колоссальное трудолюбие, сильное чувство национальной идентичности/патриотизм, приверженность коллективным/родовым традициям, жажда знаний, прагматизм и стремление к материальному благополучию, без которых было бы немислимо «корейское экономическое чудо», были сформированы в процессе истории под влиянием географических, социально-экономических, политических, культурных и религиозных факторов. Анализ истории формирования корейского менталитета лишь подтверждает тот факт, что каждый народ имеет свой собственный менталитет, проявляющийся в его повседневной жизни, и он формируется не только благодаря национальной истории, традициям, культуре, но благодаря единству народов мира, обменивающихся материальными и духовными ценностями и культурой. Несмотря на то, что менталитет есть специфический психический настрой этноса и субстанция иррациональная, которая детерминируется экономическими и политическими обстоятельствами, он сам оказывает влияние на все сферы жизни общества, в том числе на экономическую (хотя конечно связи экономики с этносом носят сложный, опосредованный характер). В случае с Кореей экономическая общность людей, основанная на разделении труда в процессе общественного производства, и этническая общность, основанная на языково-культурных и других связях, отражающихся в менталитете, совпали как через племенную организацию, так и через государство. «Экономическое чудо» в Корею началось в момент перехода от феодального общества к капиталистическому, когда в каком-то смысле произошло совпадение эволюции экономической и этнической, и усиление экономической общности, основанной на разделении труда, совпало с процессом национальной консолидации, который тесно связан с менталитетом народа, что и сыграло немаловажную роль в рывке экономического развития страны [5, с. 60].

Литература

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 4-е изд. М.: Либроком, 2012.
2. Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху. М., 1986.
3. Ким Г. Н. История религий Кореи. Конфуцианство. Алматы: Казак университеті, 2001.
4. Кирьянов О. В. Наблюдая за корейцами. Страна утренней свежести. М.: РИПОЛ-классик. 2010.
5. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Советская этнография. 1970. № 6.
6. Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность // материалы IV научной конференции. Москва, 15 – 16.03.2000 г. Институт Дальнего Востока. М., 2001.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический Проект. 2014.

8. Мазуров В. М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М.: Восточная литература РАН. 1996.
9. Пан М. К. Проблема происхождения населения Корейского полуострова (по данным антропологии) // Археология, этнография и антропология. 2008. № 2.
10. Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. М.: ПЕР СЭ. 2005.
11. Суслина С. С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х-начало 90-х годов). М.: Восточная литература РАН. 1997.
12. Тихонов В. М., Кан М. История Кореи. Т. 1. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
13. Тягай Г. Д., Пак В. П. Национальная идея и просветительство в Корею в начале XX века. М.: Восточная литература РАН. 1996.
14. Хун Ц. Влияние конфуцианской идеи ритуала «ли» на идеологию и культуру народов Кореи и Японии // Вестник ЧитГУ. 2011. № 10(77).
15. Чан Д. Первомартовское движение 1919 года и корейская протестантская церковь / пер. с корейского. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1997.
16. Amsden A. H. Asia's Next Giant, South Korea and Late industrialization. Oxford Scholarship Online. 2003.
17. Kim D., Park Ki-Joo A cliometric revolution in the economic history of Korea: a critical review // Australian Economic History Review. Vol. 52. № 1
18. Kim [Suk-hyon](#) Korean Cultural Codes and Communication // International Area Studies Review. March. 2003. Vol. 6. № 1.
19. Kim Tae-Kil Values of Korean People Mirrored in Fiction / V. II. // Dae Kwang Munwhasa. Seoul. ROK. 1990.
20. 양근석, 제 3 장 한국사상과 민본정치이념 (A Study of the Korean thoughts and Political Ideology rooting People) // 민족사상 창간호. 2007 년.

Информация об авторе:

Пак Елена Геннадьевна – аспирант кафедры философии языка и коммуникации Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, +7 (909) 663-79-00, lenapakubf@mail.ru.

Elena G. Pak – post-graduate student at the Department of Philosophy of Language and Communication, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: Гобозов И. А. – доктор философских наук, Заслуженный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

I. A. Gobofov – Doctor of Philosophy, Emeritus Professor of Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 08.12.2014 г.